

КРИЗИС КУЛЬТУРЫ КАК КУЛЬТУРА КРИЗИСА? ПРОИЗВОДСТВО ПРОСТРАНСТВ И ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО ОКРЕСТНОСТЕЙ

Со времени первых публикаций Л. фон Берталанфи по теории систем системность справедливо признается всеобщим свойством материи (и, что не менее важно, свойством мышления – понимание выделения системы как мыслительной операции сегодня в буквальном смысле хрестоматийно¹), равно как признается и изоморфизм законов различных сфер человеческой деятельности. Однако без малого 70 лет потребовалось для того, чтобы в научный оборот было введено понятие системной памяти живого² – и чтобы о таковой системной памяти стало возможно говорить как о субстрате информации³ (что же до «установления в результате системного подхода к биологическим и социальным объектам законов, аналогичных законам естествознания»⁴, то современное, по крайней мере отечественное, гуманитарное сообщество, даже допуская ссылки на труды А.Л. Чижевского и, с известными оговорками, Л.Н. Гумилева, по-прежнему не готово признать самую возможность таковой аналогии, полагая ее проявлением исключительно социал-дарвинизма).

Между тем, системная память живого при ближайшем рассмотрении оказывается одновременно субстратом и этой аналогии⁵ (и того единства / синтеза природного и культурного, идея которого является центральной для Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия и издающегося под его эгидой журнала «Пространство и Время»), и упомянутого выше изоморфизма, и самой человеческой культуры. И здесь нельзя не обратить внимание на одно, на мой взгляд, весьма значимое обстоятельство. Системная память человеческого сообщества, оставаясь, при всем сказанном, субстратом циркулирующей в этом сообществе информации (вне зависимости от ее происхождения), и самая организация данного сообщества во всех его пространствах от географического до идеологического (каковое также является специфической информацией!) оказываются существенным образом зависящими от эволюции и динамики информационного процесса как «процесса получения, создания, сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, распространения и использования информации»⁶:

«...структура” и “кинетика / динамика” плавно перетекают друг в друга, граница между ними весьма условна»⁷.

Так, в силу, во-первых, наличия в человеческом обществе (как и в иных живых системах) «широкого спектра характерных времен запоминания, хранения и считывания информации» (хотя и единого – структурного – ее носителя)⁸ и, во-вторых, того, что, будучи формой и механизмом трансляции социального опыта, культура обеспечивает передачу на каждый следующий уровень / ярус (новый уровень информационных процессов) в формирующейся иерархической системе человечества «информационный опыт» – характерное время «запоминания, хранения и считывания информации» – предыдущих уровней, нарастание общей скорости и объемов информационных процессов, получившее название «информационного взрыва», уже сегодня приводит не просто к невозможности полноценного овладения информационными технологиями. Фактически мы имеем дело с принципиально новым (по сравнению с выделенными П. Штомпкой⁹) типом постоянно углубляющейся культурной травмы, проявления которой расширяют границы метафоры теперь уже термина «взрыв»:

«...индивид все более чувствует себя калеккой, неспособным полноценно соотноситься с окружающей информационной средой. Это особого рода увечье, когда человек лишается не внешних, а внутренних органов: зрение и слух принимают на себя чудовищную нагрузку, которую не выдерживают мозг и сердце. <...> Сожженная кожа или ослепшие глаза не воспринимают тепла или света, но именно поэтому достоверно передают реальность взрыва, причинившего увечье. Бесчувственность правдиво

¹ «Всякая реальная система существует в среде. Связь между ними бывает настолько тесной, что определять границу между ними становится сложно. Поэтому выделение системы из среды связано с той или иной степенью идеализации» (Бахузова Е.В. Теория систем и системный анализ: Учеб.-метод. пособие. Тольятти: ТГУ, 2010. С. 22).

² Гринченко С.Н. Системная память живого (как основа его метазволюции и периодической структуры). М.: ИПИ РАН, Мир, 2004; Он же. Метазволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). М. ИПИ РАН, 2007.

³ Гринченко С.Н. Системная память живого и социального как субстрат информации [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 39–42. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2013/3/%20Grinchenko_System-Memory-Living-Social-Substrate/6_2013_3.pdf.

⁴ Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Логос, 2001. С. 10.

⁵ «...можно констатировать, что в природных системах имеется некий единый – структурный! – носитель, обладающий широким спектром характерных времен запоминания, хранения и считывания информации» (Гринченко С.Н. Системная память живого и социального как субстрат информации... С. 41).

⁶ ГОСТ Р 53114-2008, п. 3.1.8 (ГОСТ Р 53114-2008. Защита информации. Обеспечение информационной безопасности в организации. Основные термины и определения [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200075565>).

⁷ Гринченко С.Н. Системная память живого и социального как субстрат информации... С. 41. Ср.: «...нынешняя структура есть следствие вчерашней кинетики» (Молчанов А.М. Возможная роль колебательных процессов в эволюции // Колебательные процессы в биологических и химических системах. М.: Наука, 1967. С. 287).

⁸ Гринченко С.Н. Системная память живого и социального как субстрат информации... С. 41.

⁹ См.: Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социс. 2001. № 1. С. 6–16.

отражает ситуацию подавления чувств.

Какова, собственно, наиболее адекватная реакция на взрыв атомной бомбы? Подробное наблюдение за ним - или утрата способности зрения? Не есть ли слепота самое точное свидетельство тех событий, которые превосходят способность восприятия и, значит, оставляют свой след в виде травм и контузий, рубцов и царапин, то есть знаков, начертанных на теле, а потому и читаемых как свидетельства?»¹

До научно-технического и информационного переворота последней трети XX в. способность человека полноценно соотносить себя с окружающей средой, социальной и информационной, поддерживалась разнообразием организованных структурных элементов «зоны высокой упорядоченности и структурированности социальных отношений между людьми («зоны культуры»)»²: «культурой идентичности» – культурой исторической памяти, сохранения исторических памятников, самоидентификации индивида и социальных групп, «культурой познания и рефлексии мира, общества и человека» – философской, научной, религиозной и художественной культурой³ («Индивидуальные черты частей русской гвардейской регулярной кавалерии в начале XX в.» кандидата исторических наук А.А. Смирнова; «Очерк истории изучения памятников народного зодчества, древностей и развалин» Арало-Каспийского региона в досоветский период (до середины XIX в.). Часть 2. От дипломатической миссии А.Ф. Негри 1820–1821 гг. до образования Русского Географического общества» доктора исторических наук С.Е. Ажигали; «Жизнь и творчество Аль-Газали: опыт философского осмысления. Часть 2. Вопрос о постижении истины: об интеллектуальной самостоятельности и новаторстве аль-Газали» доктора философских наук М.М. Аль-Джанани; «Философия “свободного духа” Николая Бердяева в проблемном поле европейской культуры» доктора философских наук С.В. Корнилова; «Даниил Кириллович Заболотный: вчера и сегодня. Часть 2» доктора биологических наук Ю.А. Мазинга).

Все эти способы действительно формировали среду, для которой справедливым было утверждение, что «феномен информации самым тесным образом связан со структурой реальности и имеет определенную специфику своего проявления в различных компонентах этой структуры», – среду, между элементами (полями и агентами) которой формировались и поддерживались закономерно организованные и соразмерные взаимосвязи (взаимодействия и отношения), закономерно и организованно же производясь и воспроизводясь в большинстве процессов. Иными словами, сохранялась гармония – непреходящий атрибут «зоны культуры» («Гармония в процессах развития природы и общества: «безусловный» и «условный» аргументы» доктора технических наук С.Н. Гринченко и доктора исторических наук Ю.Л. Щаповой). Зона культуры в эпоху, предшествовавшую информационному взрыву, сохранялась в качестве субстрата гармонии не только в центре (политическом, геополитическом, социокультурном), но и на контролируемой этим центром периферии и даже в лимитрофах⁴ и производилась – и воспроизводилась – от центра до лимитрофа как пространство, организация которого могла переживать кризисы и даже разрушения, но лишь временные, после чего высокая упорядоченность и структурированность социальных отношений восстанавливалась, пусть даже и в иных формах, но по-прежнему от центра до лимитрофа.

Собственно, и в классическую, и в неклассическую эпохи основными кризисами зоны культуры были, во-первых, кризисы культуры-идеологии – культуры «упорядочения деятельности и взаимодействия людей, действующих в общественных интересах и производящих общественно значимую продукцию» – и изоморфной ей «культуры социальной организации и регуляции» – хозяйственной, политической и правовой культуры⁵, прежде всего в лимитрофно-периферийном пространстве, наиболее чувствительном к неустойчивым состояниям и сменам режима протекания социальных / социокультурных процессов⁶ («Почем обошелся “больной человек Европы”»? Неприятные итоги русско-турецкого противостояния XVIII–XIX вв.» кандидата исторических наук А.А. Лебедева; «Фил и Соф: диалог о вечном и преходящем. К 200-летию со дня рождения Карла Маркса: марксизм, государственная идеология и “русский социализм”» докторов философских наук С.А. Нижникова и А.А. Лагунова). Вторым типом кризиса «зоны культуры» до информационного взрыва (и, соответственно, до начала постнеклассической эпохи, в терминологии В.С. Степина⁸) был кризис «культуры познания и рефлексии мира, общества и человека» (прежде всего в области научной культуры⁹) и изоморфной ей «культуры социальной коммуникации, накопления, хранения и трансляции информации»,

¹ Эпштейн М.Н. Информационный взрыв и травма постмодерна [Электронный ресурс] // Русский Журнал. 1998. 10 авг. Режим доступа: <http://old.russ.ru/journal/travmp/98-10-08/epsht.htm>.

² Флиер А.Я. Культурологическая интерпретация социальной реальности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 3 (47). С. 39–46.

³ Флиер А.Я. Опыт систематизации структуры культуры [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 3. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2016/3/Flier_Systematization-Structure-Culture/.

⁴ Колин К.К. Философия информации: структура реальности и феномен информации // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 18. (13–26).

⁵ Периферия (в том числе и пограничная) представляет собой «совокупность социальных полей, взаимодействие которых маркирует легитимизированный территориальный предел (границу) возможности того или иного актора устанавливать над территориями и элементами их организации прямую / непосредственную власть (осуществлять управление территориями)». В отличие от периферии, лимитрофа, «будучи, с точки зрения отношений доминирования конкурирующих центров, своего рода “областью пересечения геополитических множеств”, в зависимости от мощи акторов, стремящихся к установлению контроля над ним, в результате геополитической конкуренции может превращаться то в периферию, то в окрестность» (Тынянова О.Н. Власть и ее окрестности // Пространство и Время. 2014. № 3(17). С. 12).

⁶ Флиер А.Я. Опыт систематизации структуры культуры.

⁷ «Кризис (от греч. krisis – решение, поворотный пункт, исход) – переломный момент, тяжёлое переходное состояние, обострение, опасное неустойчивое положение» (Кризис [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 13. М.: Советская энциклопедия, 1973. Режим доступа: <http://bse.uaio.ru/BSE/1303.htm>).

⁸ Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия [Электронный ресурс] // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Мир, 2009. С. 249–295. О культуре соответствующих эпох см.: Флиер А.Я. Еще одна модель типологизации культуры // Вестник культуры и искусств. 2017. № 1 (49). С. 51–59.

⁹ «Кризис (в науке) – ситуация, в которой научное сообщество ставит под сомнение концептуальные и методологические основания парадигмы научного исследования. В ситуации кризиса разрушаются устойчивые стереотипы восприятия научных данных,

прежде всего таких ее составляющих, как культура межличностных информационных контактов, культура межпоколенной трансляции социального опыта, культурной компетенции и знаний¹ («Крымоведение в межличностных коммуникациях Н.Д. Полонской-Василенко: по материалам эпистолярного наследия» доктора исторических наук А.А. Непомнящего; упомянутая статья М.М. Аль-Джанани; «К 90-летию института физики Земли РАН: 60 лет в ИФЗ. Субъективные заметки» доктора физико-математических наук А.Г. Гамбурцева) – не случайно М. Фасмер кроме традиционной этимологии слова «кризис» («из лат. crisis от греч. κρίσις "решение, исход"») указывает также «κρίνω "различаю, сужу"»². Фактически начиная с научно-технического переворота второй половины XIX в. – с началом эпохи неклассической рациональности (и прежде всего с оформлением «философии жизни» как результата культурной травмы в результате утраты доверия к просвещенческому рационализму) – становится возможным говорить о формировании культуры кризиса – социальных действиях, взаимодействиях и отношениях, допускаемых субъектами /или институтами применительно к субъектам, объектам и/или институтам в кризисном режиме социальных процессов, в период, непосредственно предшествующий ему (т.е., фактически, в условиях формирования кризиса его субъектами), после выхода из него и в связи с ним.

Однако сколько бы кризисы культуры-идеологии ни снижали уровень доверия к политике центра (и к достоверности исходящей из центра информации – одному из важнейших критериев ее эффективности, в том числе социальной, с точки зрения авторитетных теорий информации³), а кризисы философской и научной информации и культуры – к действующим философским и научным парадигмам, вплоть до последней трети XX в. мы имели дело с (более или менее устойчиво) воспроизводимым высокоупорядоченным и структурированным пространством и, соответственно, с «зоной культуры». В конце концов, говоря об информационном доверии, достаточно упомянуть, что еще в V в. Бл. Августин, хотя и рассматривавший веру и (рациональное) познание еще в одном ряду «заслуживающего доверия», уже, по сути, противопоставлял эти два вида информации как потенциально различных по мере такового доверия:

«Есть три рода того, что заслуживает доверия. Первый – то, во что всегда верят и никогда не познают; и такова всякая история, охватывающая временные людские деяния. Вторым – то, что познают для того, чтобы поверить в это, и таковы всякие человеческие соображения или о числах, или о каких-либо науках. Третьим род – то, во что сначала верят, а позже познают. Таковым является относящееся к Божественным вещам; и познать это не может никто, кроме чистых сердцем» (De divers. quaest. 83, q 48)⁴.

О восстановлении после кризисов прерванного ими режима воспроизводства высокоупорядоченного и структурированного социального пространства – о воспроизводстве «зоны культуры» – в классическую и даже неклассическую эпохи возможно было говорить даже в тех случаях, когда речь шла о культуре насилия (под которой понимается, по А.Я. Флиеру, «тот набор допустимых норм совершения насильственных действий в отношении человека или общества (допустимых самими субъектами, осуществляющими насилие) и культурных текстов, регулирующих эти действия, разрешающих или запрещающих какие-то формы, устанавливающих процедуру исполнения насилия и определяющих отношения между самими субъектами насилия, субъектами и объектами, субъектами и обществом, а также семиотика форм, символизирующих насильственные действия»⁵). В классическую и неклассическую эпохи и насилие, и, тем более, культура насилия имели своей целью смену типа взаимодействий и отношений в объеме всего пространства (в максимально возможном количестве его полей) и подразумевали максимальную интенсивность обеспечивающих отношения доминирования социальных действий и взаимодействий центра в направлении периферии и лимитрофов, т.е. максимальное присутствие центра в периферийно-лимитрофной зоне и такую же максимальную его заинтересованность в этом присутствии.

Принципиально иная ситуация складывается с началом постнеклассической эпохи. «Взрывная волна» информационного взрыва начиная с последней четверти XX в. все более обнажает несостоятельность попыток соотнесения разнообразия информации, ее ценности и адекватности с увеличением объемов и скорости ее обработки что в рамках модели «4V» (volume, velocity, variety, value = объем, скорость, разнообразие, ценность), что в рамках модели «5V» (volume, velocity, variety, value, veracity = объем, скорость, разнообразие, ценность, достоверность)⁶: «Избыток разнообразия может так же травмировать, как избыток повторяемости и однообразия», – справедливо отмечает М.Н. Эпштейн, говоря о соотносимости в этом смысле травматического воздействия «бесконечного информационного потока Запада» и «однообразия советской идеологической системы»⁷. Результат

стандарты оценок, допустимых объяснений, размываются границы научной рациональности. Причиной кризиса может стать нарастание интереса к аномалиям, их осознание как примеров, противоречащих общепризнанной теории, которая лежит в основании дисциплинарной деятельности, и соответствующее падение доверия ученых к этой теории» (Порус В.С. Кризис [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Гл. ред. В.С. Степин. М.: Мысль, 2010. Электронная библиотека ИФ РАН. Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASHfa8f4aa9682677871d14fa>).

¹ Флиер А.Я. Опыт систематизации структуры культуры.

² Фасмер М. Кризис [Электронный ресурс] // Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/vasmer/кризис>.

³ См., напр.: Wamba S.F., Akter S., Edwards A., Chopin G., Gnanzou D. "How 'Big Data' Can Make Big Impact: Findings from a Systematic Review and a Longitudinal Case Study." *International Journal of Production Economics* 165 (2015): 234–246. DOI:10.1016/j.ijpe.2014.12.031.

⁴ Блаженный Аврелий Августин. О 83-х различных вопросах в одной книге [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия Азбука веры. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-vosmidesyati-trekh-razlichnykh-voprosakh/#o83v166.

⁵ Флиер А.Я. Культура насилия // Личность. Культура. Общество. 2004. Вып. 4 (24). С. 203; в расширенном варианте см.: То же // Новая цивилизация: Междисциплинарный научно-практический сборник / Ред. С.Н. Гавров, М.В. Калинин. Самара : Самарский Научный центр РАН, 2007. С. 57–69.

⁶ Подробнее см., напр.: Wamba S.F., Akter S., Edwards A., Chopin G., Gnanzou D. *Op. cit.*

⁷ Эпштейн М.Н. Указ. соч.

оказался соотносимым и в смысле ценности и достоверности травмирующих информационных процессов – в обоих случаях они оказались разрушены. Более того, вызванный информационным взрывом «Большой Социальный Взрыв», хотя и был назван А.Д. Урсулом по аналогии с породившим Вселенную Большим Взрывом¹, в отличие от такового пространство человеческого социума – а с ним и формирующие «зону культуры» высокоупорядоченные и структурированные социальные отношения – не производит и не воспроизводит, но все в большей степени (по мере нарастания неадаптируемого – травмирующего – информационного потока) разрушает – вспомним цитированную выше аналогию М.Н. Эпштейна со взрывом атомной бомбы. Разрушения в «зоне культуры» оказываются тем более значимыми и болезненными, что происходили прежде всего в сфере культуры познания и рефлексии мира, общества и человека и изоморфных ей культуры социальной коммуникации, накопления, хранения и трансляции информации, культуры идентичности и культуры-идеологии.

Иными словами, травма информационного и Большого Социального взрывов заключается в производстве все более обширной «зоны слабой упорядоченности и структурированности социальных отношений между людьми» – «зоны социальной неопределенности»:

«...не следует думать, что в этой зоне все социальные интересы людей пребывают в состоянии броуновского движения и хаотически блуждают, сталкиваясь друг с другом. Конечно, имеет место и это, но наблюдаются и осмысленные взаимодействия и противостояния в интересах людей. Однако, в отличие от культурных взаимодействий, эти связи не обладают высокой устойчивостью и системностью, а, как правило, являются случайными, ситуативными, спонтанными. Главный критерий различия между культурой и "не культурой" – повторяемость. В культуре действия и взаимодействия, приводящие к позитивному результату, повторяются (если нет каких-то особых причин, мешающих этому), становятся в той или иной мере устойчивыми. В зоне социальной неопределенности все связи более или менее эксклюзивны.

Зона социальной неопределенности – это в первую очередь территория случайностей. Здесь люди случайно встречаются, случайно заговаривают друг с другом, случайно вступают во взаимодействие, которое может иметь какой-то продуктивный результат, а может и не иметь. Все социальные возможности здесь присутствуют в «свернутом» виде, только как потенциалы.

Одной из важных особенностей зоны социальной неопределенности является то, что здесь фактически не происходит закрепления положительного опыта в социальной памяти участников взаимоотношений и его трансляции, в отличие от зоны культуры, где процесс формирования и передачи социального опыта между поколениями»².

В когнитивной сфере результатом травмы информационного взрыва стала утрата феноменом информации как в целом связи со структурой реальности, так и специфики своего проявления в различных компонентах этой структуры, проявлением чего в поле философии явилась, как это было блестяще показано М.Н. Эпштейном, философия постмодернизма – хотя и она все еще остается культурой кризиса (или, если угодно, культурой травмы):

«Постмодерновый индивид всему открыт – но воспринимает все как знаковую поверхность, не пытаясь даже проникнуть в глубину вещей, в значения знаков. Постмодернизм – культура легких и быстрых касаний, в отличие от модернизма, где действовала фигура бурения, проникания внутрь, взрывания поверхности. Поэтому категория реальности, как и всякое измерение в глубину, оказывается отброшенной – ведь она предполагает отличие реальности от образа, от знаковой системы. Постмодерновая культура довольствуется миром симулякров, следов, означающих и принимает их такими, каковы они есть, не пытаясь добраться до означаемых. Все воспринимается как цитата, как условность, за которой нельзя отыскать никаких истоков, начал, происхождения.

Но за таким поверхностным восприятием стоит, в сущности, травматический опыт, результатом которого и является пониженная смысловая чувствительность. <...>

Даже теоретические понятия постмодернизма, такие, как "след" у Жака Деррида, несут отпечаток информационной травмы. "След" тем отличается от знака, что лишен связи с означаемым, которое предстает всегда отсроченным, отложенным на "потом" и никогда ни в чем не являет себя»³.

В такой постнеклассической реальности даже вне «зоны социальной неопределенности» и бердяевская «свобода духа», и пафос человеческого труда раннего Маркса, и современная правовая идеология (упомянутые статьи С.В. Корнилова, С.А. Нижникова и А.А. Лагунова, «Правовая идеология: возможность структурно-функционального подхода. Клименко А.И. Правовая идеология современного политически организованного общества. – Москва: Норма, 2018. – 384 с.» доктора юридических наук А.С. Дугенца и кандидата исторических наук И.А. Калашикова) рискуют оказаться очередными «следами», лишенными связи с означаемым – утратившими эту связь в результате информационного взрыва очередными «отростками» делезовской ризомы.

Что же касается полей политики / геополитики и экономики, то здесь расширение «зоны социальной неопределенности» и действие информационной травмы проявляются в формировании (гео)политических окрестно-

¹ Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальный эволюционизм и глобалистика: Учебно-методическое пособие для магистратуры. М.: МИСиС, 2013. [Электронный ресурс] // НИТУ «МИСиС». Режим доступа: <http://old.misis.ru/Portals/0/Download/SNiT/ГЛОБАЛЬНЫЙ%20ЭВОЛЮЦИОНИЗМ.pdf>.

² Флиер А.Я. Культурологическая интерпретация социальной реальности. С. 40.

³ Эпштейн М.Н. Указ. соч.

стей – такой совокупности социальных полей и позиций, в пределах которых, в том числе и территориальных, интенсивность социальных действий и взаимодействий, обеспечивающих отношения доминирования конкретного актора, сколь угодно мала (но все же не становится нулевой)¹. Подобного рода сколь угодно малая (и, возможно, убывающая) интенсивность социальных действий и взаимодействий доминирования – и соответствующая ей малая (гео)политическая и социально-экономическая заинтересованность центральной власти в воспроизводстве структурированных пространств – как территориальных, так и экстерриториальных (идеологического, образовательного и проч.) наблюдается сегодня практически повсеместно – за исключением, если говорить о территориальной власти, регионов, богатых углеводородами или представляющих интерес с точки зрения политической рекламы первых лиц государств.

При этом даже в таких регионах информационный и Большой Социальный взрывы разрушили и пространство классических союзов и коалиций – общественное сознание еще оперирует привычными прежними образами и категориями, но мир Realpolitik сегодня – «текущая современность» в духе З. Баумана², мир ускользающих (вплоть до полного исчезновения) внутренних связей, неопределенности и отсутствия политических ориентиров, это постоянно меняющийся калейдоскоп сиюминутных (гео)политических союзов и короткоживущих (гео)политических решений – возможно, однако, что с последствиями куда более долгосрочными, нежели в классическую эпоху (интервью с президентом Института Ближнего Востока, кандидатом экономических наук Е.Я. Сатановским «Большой Ближний Восток: урок реального мироустройства»; «Сирийский кризис как лимитрофная война Новейшего времени» доктора политических наук Н.А. Комлевой; «Молдова: координаты решающего выбора» доктора политических наук С.Я. Лаврѐнова). С увеличением скорости и объема информационных процессов все более очевидным становится сокращение – сжатие – длительности, протяженности во времени движения, со времен ньютоновского «непрерывного течения»-флюксии выступавшего коррелятом понятия времени, превращение единого регулируемого процесса становления в некое подобие хронона – гипотетического «кванта времени» Р. Леви³. Но в том, как сегодня «мчится мгновенный век» – тренд, гениально схваченный А. Блоком в начале XX столетия, – вполне очевидно просматривается античный хаос – зияющая «вечность, бесконечная в обе стороны» Марка Аврелия (Размышления, IV: 3)⁴, прямая отсылка к гесиодовской абсолютной и всепожирающей бездне-энтропии, абсолютной же противоположности гармонии как «закономерного характера развития действительности, внутренней и внешней согласованности, цельности и соразмерности, содержания и формы ... объекта»⁵, «соразмерности частей и целого, слияния различных компонентов объекта в единое органическое целое», соразмерности, в которой «получают внешнее выявление внутренняя упорядоченность и мера бытия»⁶ (упомянутая статья С.Н. Гринченко и Ю.Л. Щаповой).

Именно действие травмирующего нарастания скорости и объемов информационных процессов возвращает в научный обиход наиболее архаичные символы социальной реальности, каковым, в частности, является хаос в его аристотелевской и платоновской интерпретации:

«Аристотель отождествляет хаос с местом, или пространством [здесь тождественным месту – О.Т.], отмечая, что Гесиод был прав, делая хаос первым, ибо все вещи должны находиться где-нибудь; пространство, “то, без чего не существует ничего другого, а оно без другого существует, необходимо должно быть первым” (“Физика” 209b 31). У позднейших греческих философов слово “хаос” может означать бесконечное пространство (в частности, у Платона и Секста Эмпирика)»⁷, –

именно таковыми локусами аристотелевского хаоса-места в равной мере оказываются – в своей крайней форме – и «зоны социальной неопределенности», и (гео)политические и социально-экономические окрестности – места социальных действий, но не взаимодействий и, тем более, не отношений, практически полностью выпадающие из едва ли не всех полей социального пространства. При этом вид места-хаоса будут обретать те «зоны социальной неопределенности» и окрестности доминирования, где максимальному разрушению подвергаются прежде всего изоморфные друг другу культура идентичности⁸, культура познания и рефлексии мира, общества и человека, культура социальной коммуникации, накопления, хранения и трансляции информации, культура-идеология и культура социальной организации и регуляции. Замечу здесь, что как в своей современной, так и в крайней формах «зоны социальной неопределенности» далеко не обязательно совпадают – и далеко не обязательно должны совпадать в будущем – с (гео)политическими / социально-экономическими окрестностями – такие зоны с равной вероятностью (и легкостью) могут формироваться и в лимитрофах, и на перифериях (в том числе и в регионах, богатых углеводородным сырьем), и даже в геополитических центрах.

¹ Тынянова О.Н. Указ. соч. С. 12.

² Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.

³ См.: Lévi R. "Théorie de l'action universelle et discontinue." *Journal de Physique et le Radium* 8.4 (1927): 182–198. DOI:10.1051/jphysrad:0192700804018200.

⁴ Марк Аврелий Антонин. Размышления. Л.: Наука, 1985. С. 17.

⁵ Лосев А., Шрагин Б. Гармония // *Философская энциклопедия*: В 5 т. / Гл. ред. Ф.В. Константинов.. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1960. С. 323–324.

⁶ Лосев А.Ф. Гармония // *Большая советская энциклопедия* / Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 128.

⁷ Бородай Т.Ю. Хаос [Электронный ресурс] // *Новая философская энциклопедия*: В 4 т. / Ред. В.С. Степин. М.: Мысль, 2010. Электронная библиотека ИФ РАН. Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01dafb86bd742e788c9ed5da>.

⁸ См. об этом подробнее: Комлева Н.А. Консциентальная война: глобальные тренды глобального противостояния // *Пространство и Время*. 2015. № 3(21). С. 15–23.

Можно ли считать семиологию социального хаоса также относящейся к культуре кризиса? Может ли вернуться в рамки этой культуры то, что сегодня со всей очевидностью свидетельствует о кризисе собственно культуры¹? Как возможно (и возможно ли) сколько-нибудь устойчивое преодоление «распада социального субстрата» (М.Я. Сараф) – преодоление информационной травмы – в постнеклассическую эпоху?

Полагаю, что такое преодоление возможно в рамках программы классической культуры – из понимания хаоса стоиками как «первоначала вселенной», которое, «как и гесиодовско-аристотелевский хаос, бесконечно и с возникновением космоса не исчезает, служа для него местом», но не пустым и не бесплодным, в отличие от хаоса-зияния, а наделенным «некой творческой потенцией. По отношению к уже существующему космосу стоический хаос не представляет собой ненасытную пустую бездну или бесконечную энтропию, а является своего рода кладовой первовещества, подпитывающей космос»². Не рассматривая в коррелята стоической модели «хаос – космос» синергетику, такое же порождение травмы информационного взрыва, как и философия постмодернизма, обращусь здесь прежде всего к пониманию хаотического как еще не познанной закономерности³ – именно это понимание переводит хаос в категорию преодолеваемого кризиса (в упомянутой выше дополнительной этимологии Фасмера – «различаю, сужу») – преодолеваемого прежде всего культурой познания и рефлексии мира, общества и человека и, одновременно, восстанавливающего статус этого типа культуры.

Действительно, именно такое преодоление хаоса в процессе углубленного познания – различения и суждения – и поиска научной истины позволяет устанавливать междисциплинарные связи как между элементами «первой природы» («Особенности почвенных агрегатов в условиях выделения эндогенного водорода» доктора биологических наук Т.А. Зубковой и кандидата биологических наук Н.И. Сухановой; «Затухание в литосфере Западного Тянь-Шаня» кандидата физико-математических наук О.И. Алтикаевой), так и между ними и феноменами «второй природы» («Озоновый слой и погодные аномалии в Северном полушарии в зимне-весенний период 2017–2018 гг.» доктора геолого-минералогических наук В.Л. Сывороткина; «Особенности военной и экономической динамики в Средние века и раннее Новое время в зависимости от космической погоды. Часть 1» доктора биологических наук П.Е. Григорьева, доктора физико-математических наук Б.М. Владимирского и студентки 6 курса Медицинской академии им. Георгиевского Крымского федерального университета им. Вернадского Ю.С. Лусковой). Научное познание, будучи одновременно и способом повышения упорядоченности и структурированности социальных отношений, и формой восстановления связи информации со структурой реальности и, тем самым, элементом культуры (в том числе и культуры кризиса – нормой его преодоления), – позволяет выявить факторное влияние как культурных феноменов на спектрально-временные характеристики здоровья населения («Сопоставительный анализ динамических особенностей числа вызовов Скорой помощи в Москве и Израиле» доктора физико-математических наук А.Г. Гамбурцева, доктора медицинских наук С.И. Степановой, кандидата физико-математических наук Н.Г. Гамбурцевой, кандидата геолого-минералогических наук Ю.Б. Галанта, Р. Сонкина, Э. Яффэ и И. Галанта), так и развития отдельной научной школы на мировую научную культуру («Методы неравновесной физики в современной сейсмологии: к юбилею Института физики Земли РАН» доктора физико-математических наук И.Р. Стаховского). Такое познание равно относится к интеллектуальной и духовной сфере человеческих отношений и преодолевать информационную травму, опираясь на национальный и наднациональный культурный опыт («Китайское «экономическое чудо»: опыт сравнительного психологического анализа» доктора психологических наук А.В. Сухарева; «Куртуазная любовь в европейской и арабо-мусульманской традиции» кандидата исторических наук М.В. Рудаковой); оно обращено одновременно к исторически – культурно – освоенному наследию и к его переосмыслению и реконцептуализации на самом современном уровне («The Repeatability of Dowsing Reactions when Searching for “Active Sites” [= Повторяемость реакций на биолокацию при поиске «активных мест»]» V. von Tscherner, Dr. Biophysics, и B.M. Nigg, D.Sc. (Physics) (параллельный текст на английском и русском языках в переводе кандидата физико-математических наук С.Г. Геворкяна); «К недавним исследованиям природы и механизма биолокации, выполненным в Канаде» кандидата физико-математических наук С.Г. Геворкяна; «Себорейный кератоз как неизменный спутник старения. Современный взгляд на этиологию и патогенез» кандидата медицинских наук А.К. Александровой, доктора медицинских наук В.А. Смольяниковой и студентки 6 курса Первого МГМУ им. И.М. Сеченова В.А. Филатовой). Оно есть форма бытования межпоколенческой связи, системной памяти живого и социального и в ней – светлой памяти о подвижниках науки, уход которых всегда безвременен («Азари Григорьевич Гамбурцев (*31 октября 1944 — †17 октября 2017)»; упомянутая статья Ю.А. Мазинга).

Такое познание – и его субъекты, в том числе и прежде всего авторы журнала «Пространство и Время», – способны восстанавливать «зону культуры» и обнаруживать гармонию в социальных процессах.

О.Н. Тынянова, главный редактор

Цитирование по ГОСТ: Р 7.0.11—2011:

Тынянова, О. Н. Кризис культуры как культура кризиса? Производство пространств и перепроизводство окрестностей / О.Н. Тынянова // Пространство и Время. — 2018. — № 1—2(31—32). — С. 10—15. DOI: 10.24411/2226-7271-2018-11001. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_st1_2-31_32.2018.01.

¹ Сараф М.Я. Ризомизация культурного пространства как показатель понижения его связности и коммуникативности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1. С. 68–73.

² Бородай Т.Ю. Указ. соч.

³ «Примерно до середины второго тысячелетия природа приливов и отливов оставалась неизвестной и производила впечатление хаотического процесса [курсив мой – О.Т.], вызываемого собственными свойствами водной стихии. Ныне этот процесс достаточно изучен и позволяет охарактеризовать свойства нашей космической спутницы – Луны» (Штеренберг М.И. Синергетика: наука? философия? псевдорелигия? М.: Academia, 2007. С. 77).